ВПЕРВЫЕ В «КЛУБЕ ДС»

Ираклий АНДРОНИКОВ

ДИРИЖЕР БАРНАБЕЛИ

Это рассказ о моем приятеле. В сущности, нас нельзя было назвать приятелями. Он учился в Ленинградской консерватории, я только что окончил университет. Ни он у меня, ни я у него в гостях не бывали. Встречались мы только в концертах. Обходились при посредстве нескольких учтивых фраз. Он считался очень талантливым скрипачом. У него был глубокий «полетный» звук. Звали его Вахтанг Нейман.

По материнской линии он был грузином. Прадед его по отцу был австрийцем. Но уже отец Вахтанга считал своей родиной Грузию и занимался квалифицированными переводами с русского языка на грузинский. Вообще отец Вахтанга производил импозантное впечатление и был известным в Тбилиси меломаном.

Лето 1930 года я проводил у отца в Тбилиси. Вахтанг Нейман — у своих. В летнем саду «Медсантруд», который прежде носил название «Стелла», шли симфонические концерты под управлением Евгения Микеладзе, рано погибшего молодого дирижера, обладавшего, кажется, всеми достоинствами, которые отличают настоящий талант от просто таланта. У него были замечательные руки, тонкий слух горящее сердце. Он обладал могучей волей, глубоко вникал в текст партитуры, поражал огненным темпераментом, артистизмом и в целом — огромным авторитетом. Микеладзе пригласил Вахтанга Неймана на положение концертмейстера.

За неделю до начала летнего симфонического сезона меня попросил зайти в редакцию газеты «Заря Востока» поэт Валериан Гаприндашвили, в то время он заведовал отделом искусства, и предложил два раза в неделю обозревать эти концерты. Я усомнился в своих способностях, но Гаприндашвили и Микеладзе (я думаю, что инициатива принадлежала ему) так убеждали меня, что я не смог отказаться от столь почетного для меня приглашения и приступил к писанию рецензий Свои статейки я подписывал инициалами И А.

Во время одной из утренних репетиций я увидел Вахтанга, который, сидя за первым пультом, рассматривал находящихся в зрительном зале: огромные глаза за толстыми стеклами крупных очков, взлохмаченные волосы, грузинский нос и лицо, столь чисто выбритое, что казалось голубым.

Увидев меня, он сбежал с эстрады. Мы сердечно обнялись И он сразу сказал:

— Генацвале, напиши рецензию!

Торопливая речь с пришепетыванием, с хрипотцой, — казалось, он в восторге от собственных слов, — к тому же он поминутно смеялся и говорил с сильным тбилисским акцентом. Эта фраза в его произношении прозвучала так: «Геньсс. написи рэсэнзию».

И продолжал:

— Мой папа прочел вчера в газете твою заметку, подписанную буквами И. А., и сказал: «Какой ишак подписывает свои статьи И. А.—И. А.?» Я взволновался. Говорю ему: «Это Луарсабишвилиа, сын профессора Луарсаба Андроникашвили». Когда папа услыхал это, он зарыдал: «Как тонко можно выразить музыку словом, когда берется за дело твой товарищ и друг, наш дорогой Ираклий». Мама рыдала. Папа был вне себя: «Почему ты, дурак, не общаешься с этим просвещенным юношей в Ленинграде?» Дядя неистово тебя хвалил Написи рэсэнзию. На той неделе я буду играть концерт Чайковского для скрипки с оркестром. Если ты напишешь — ты сможешь передать характер музыки. Наши лабухи не могут хорошо сыграть его. У них инструмент не звучит на седьмой позиции, хотя Тбилисская консерватория, как известно, состоит из первоклассных музыкантов. Наша школа давно уже влияет на работу струнной группы оркестров страны. Приходи ко мне. На Гунибской улице живем. Улица потрясающая. Самая крутая в городе. Ни одна машина не может подняться. Ходим пешком. Зато вид из окна на университет непередаваемый Университет, ты сам знаешь, один из лучших в Европе. Почему никогда не зайдешь к нам? Папа возмущается: «Никогда сам не догадаешься пригласить своего друга, водишься только с лабухами». Мама рыдала: «Почему не позовешь его на хинкали?» Хинкали мама готовит потрясающие. Жалко глотать. Умоляю тебя, пройдем с тобой сейчас по проспекту, чтобы все видели, какие мы с тобой товарищи. Не хочешь? Как хочешь. Буду рад видеть тебя к обеду или за завтраком.

— Концерт Чайковского — потрясающий, нечто непревзойденное. Смотри, смотри, как на тебя девочка глазами зыркнула. Ты, оказывается, пользуешься успехом. Пройдем по проспекту вместе. Выпьем воду Лагидзе Не хочешь? Как находишь нужным На том углу продают мороженое. Холоднее не бывает. Слушай, генацвале, написи рэсэнзию. Много писать не надо. Несколько слов. Скажи, как ты умеешь.

Дирижер звал его, указывая на пустой стул.

Я встретил Вахтанга через несколько дней. Увидев меня, он повернулся спиной. Я решил, что ему не понравились те несколько слов, которые были отведены ему в общей рецензии, решил, что он обиделся.

— Вахтанг, — говорю, — ты сам хотел, теперь обижаешься!

Он с изумлением посмотрел на меня:

— Ты думаешь, я обиделся? Я потрясен! Как ты сумел выразить чувства, с которыми я играл на концерте? Где ты нашел такие слова? Как глубоко проникло в сердце твое живое перо! В восьми словах ты сумел сказать все: «Вахтанг Нейман вдумчиво и выразительно сыграл концерт Чайковского». Я рыдал Папа был взволнован. Мама почти без чувств. Папа опять говорит: «У этого юноши большие возможности, пригласи его к нам в первый свободный вечер». Генацвале, хочу продолжить наше знакомство в Ленинграде. На Васильевском острове живу. Остров замечательный. На тринадцатой линии. Культурная линия, не то что какая-то двадцать вторая... На квартире доктора Мусселиуса стою. Доктор — потрясающий. В душе — музыкант. У него собираются артисты духа. Музицируем. Приходи. Поговорим по душам. Меня хвалят вокруг за успехи на скрипке, ожидают, что из меня выйдет выдающийся концертант. А я не стремлюсь к этому, мне кажется, что у меня должен быть другой уклон. Нужно работать с молодежью в заводском клубе. Концертантов воспитать легче. Главное — разгадать дар того, кто еще не открыт. Массовая работа дирижера, мне кажется, важнее. Генацвале, спасибо тебе. Как ты мог в таких коротких словах охарактеризовать мой замысел? Ты все еще подписываешь свои рецензии И. А.? Папа смущается Ну, в Ленинграде поговорим.

...А вскоре до него дошел слух, что я его показывал. И он обиделся.

— Папа смеялся сардонически. Мама молчала,— сказал он моему другу дирижеру Рабиновичу, — как жаль, что его возможности размениваются на мелочи.

Но тут я потерял его из виду и даже имени его никогда не встречал. Я же не знал, что он изменил фамилию и стал Барнабели.

Прошли годы и годы. Однажды, это было много лет спустя в Ленинграде, я вздумал пойти посмотреть новый фильм. Взял билет. Вошел в кинотеатр. Сеанс уже начался. В фойе дежурные расставляли пюпитры. Внесли дирижерский. Опоздав на сеанс, я решил дождаться следующего, а тем временем с интересом рассматривал молодых музыкантов: две скрипки, одна — вторая, альт, фагот, флейта, кларнет, валторна, фортепиано, ударные. Молодые музыканты рассаживались Встала девушка-концертмейстер и объявила нынешний репертуар: «Первое отделение — симфония Моцарта. Дирижер Вахтанг Барнабели»

Появился Вахтанг. Оглядел пустой зал. Увидел меня Сбежал с эстрады — такой же, как раньше: длинные руки, сутулая спина, крупные стекла очков. Заговорил, хохоча:

— Вы знали меня под фамилией Нейман. А я принял фамилию мамы: Барнабели! Вот уже сорок лет работаю с молодежью, добился того, о чем мечтал. Приношу посильную пользу. Бедный папа рыдал, когда я объявил ему свою последнюю волю — сосредоточиться на работе с молодежью.

Фойе стало наполняться публикой Оркестранты настраивали инструменты. Вахтанг обратился к ним:

— К нам приехал Ираклий Луарсабович Сегодня мы должны показать, на что мы способны. Хочу приветствовать его и поблагодарить за внимание к нашему делу. Погодите разговаривать, лабухи! Ираклий Луарсабович написал рецензию на мой концерт, когда я был начинающим исполнителем. Я до сих пор помню каждое слово: «Вахтанг Нейман вдумчиво и выразительно сыграл концерт Чайковского».

Взглянув на часы, он поднялся на эстраду и повернулся к оркестру. Девушка-концертмейстер подала ему дирижерскую палочку. Зазвучала музыка Моцарта. Стройная фигура, певучие руки, ясная пластика Осторожная и уверенная жестикуляция. Я диву давался. Это был настоящий, культурный, прекрасно обученный ансамбль. В дальнейшей программе: Шостакович, Свиридов, Хачатурян. Публика, уже наполнившая фойе кинотеатра, сопровождала каждое сочинение аплодисментами.

Концерт кончился. Мы пошли за кулисы. Музыканты укладывали инструменты. Обращаясь к ним, Барнабели снова предался воспоминаниям:

— Ираклий Луарсабович изображал меня, когда мы оба были молоды, а я обиделся. Я не понял, что вы мне оказываете честь, представляя в обществе Алексея Николаевича Толстого, вдохновенного Ивана Ивановича Соллертинского, генералмюзикдиректора Штидри. Дорогой Ираклий, у меня к тебе просьба, напиши рецензию прямо в книге отзывов. Это нам будет очень приятно.

Я с удовольствием вписал в книгу отзывов одно слово — «прекрасно!».

Недавно я узнал, что Вахтанг Барнабели умер. А потом пришло письмо от одной из его дочерей. Она слышала радиопередачу, в программу которой был включен рассказ про Вахтанга. Они просят переписать этот рассказ на магнитную ленту, чтобы вся семья могла слушать голос их любимого и незабвенного отца.

ОКРЫЛЯЮЩИЙ ПРИМЕР

Младен ИСАЕВ,
дважды Герой Социалистического Труда, народный деятель культуры НРБ

МНЕ ХОЧЕТСЯ поделиться воспоминаниями о том сравнительно отдаленном времени, когда создавались первые классические произведения многонациональной советской литературы, был основан Союз советских писателей и рожден жизнью творческий метод революционной литературы — социалистический реализм. Материалы вашего первого писательского съезда, который начал работу 17 августа 1934 года, доходили до нас легальными и нелегальными путями.

Съезд открыл основоположник советской литературы Алексей Максимович Горький. В его работе принимали участие А. Серафимович, В. Вересаев, М. Пришвин, А. Толстой, А. Новиков-Прибой, Я. Купала, Я. Колас, П. Тычина, М. Шолохов, А. Фадеев, Вс. Иванов, Н. Тихонов и другие известные советские писатели. С их произведениями мы знакомились в переводе на болгарский язык и в оригинале. С исключительным интересом вчитывались в такие всемирно прославленные книги, как «Железный поток», «Тихий Дон», «Поднятая целина», «Разгром», «Как закалялась сталь», и многие другие.

Ваш Первый Всесоюзный съезд писателей и исторический доклад Максима Горького очертили идейно-эстетическую платформу союза, основанную на великих идеях Ленина и Октябрьской революции. Эти идеи вдохновляли советских мастеров слова, которые рассказали правду о новом герое истории, человеке — борце и созидателе социалистической нови.

В те трудные годы, мы, болгарские революционные писатели-антифашисты, учились на примерах советской литературы, боролись за воплощение ленинских идей в литературе. Конечно, в условиях свирепой фашистской цензуры это было неимоверно сложно. И все же нам удалось создать деятельный союз писателей, который существовал в подполье. У нас была нелегальная партийная организация писателей, которой руководил Центральный Комитет Болгарской коммунистической партии.

Для того чтобы усвоить в творческой практике метод социалистического реализма, нам особенно помогли глубоко мудрые мысли Максима Горького, высказанные в докладе на съезде. Я хочу напомнить крайне важную горьковскую мысль.

«Социалистический реализм утверждает бытие как деяние, как творчество, цель которого — непрерывное развитие ценнейших индивидуальных способностей человека ради победы его над силами природы, ради его здоровья и долголетия, ради великого счастья жить на земле, которую он сообразно непрерывному росту его потребностей хочет обработать всю как прекрасное жилище человечества, объединенного в одну семью». Как эти слова актуальны сегодня! Из-за соображений цензуры мы в нашей печати называли социалистический реализм новым художественным реализмом.

Наш союз писателей являлся революционной, антифашистской организацией литераторов различных взглядов. Нас объединяли три основных принципа: борьба против фашизма, борьба за социализм, пропаганда и защита советской культуры. Болгарская реалистическая революционная литература развивалась под благотворным влиянием советской художественной литературы и советской идейно-эстетической, теоретической мысли. У нас были талантливые теоретики и критики, которые, особенно во второй половине 30-х годов, продолжили теоретическое дело Д. Благоева, последовательно отстаивая и разрабатывая марксистско-ленинскую теорию искусства, и литературы. В это время была опубликована книга Тодора Павлова «Теория отражения».

Т. Павлов, Г. Бакалов первыми в Болгарии оценили огромные творческие завоевания молодой советской литературы.

Основателем социалистического реализма в болгарской литературе был поэт Христо Смирненски. Он прожил всего 24 года, однако сумел создать значительные произведения, вдохновенно воспев мировое значение Октябрьской революции. Мы, революционные писатели 30-х годов, стремились продолжить не только революционно-демократическую линию Х. Ботева, И. Вазова, П. Яворова, но также и социалистические традиции Христо Смирненского.

Болгарские писатели-антифашисты 30-х годов оставили яркий след в нашей литературе. Мы гордимся славными именами Л. Стоянова, Г. Караславова, Х. Радевского, О. Василева. Но высочайшей вершиной был Никола Вапцаров, ставший национальным героем Болгарии.

После свершения социалистической революции 9 сентября 1944 года болгарская литература пережила новый взлет.

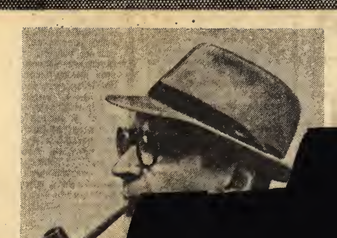
Как известно, вскоре после войны в мире задули ветры «холодной войны». Началась острая идеологическая борьба. Наши идейные противники на Западе обливали грязью социалистическую литературу, называли нас людьми, которые «продались режиму». По этому поводу на II съезде советских писателей М. А. Шолохов в 1954 году сказал следующее: «О нас, советских писателях, злобствующие враги за рубежом говорят, будто бы пишем мы по указке партии. Дело обстоит несколько иначе: каждый из нас пишет по указке своего сердца, а сердца наши принадлежат партии и родному народу, которым мы служим своим искусством».

За прошедшие 40 лет после нашей революции, когда социалистический реализм стал основным творческим методом болгарской литературы, такие писатели, как Д. Талев, Д. Габе, Е. Багряна, Х. Радевски, Н. Фурнаджиев, К. Зидаров и более молодые — А. Геров, П. Пенев, Д. Методиев, Г. Джагаров, П. Матев, Л. Стефанова, Сл. Хр. Караславов, В. Башев, Е. Евтимов, Л. Левчев, Н. Христозов, М. Шопкин, и ряд других ярких талантов обогатили сокровищницу современной болгарской словесности.

Все сорок лет свободной жизни наша литература черпала пример и вдохновение не только из нашей родной действительности, но и из великой советской литературы. Бессмертные образы, созданные советскими писателями, глубоко и навсегда проникли в наши души. Они окрыляют сотни тысяч наших соотечественников. Ваша литература стала и нашей родной литературой. Мы горды, что идем одной дорогой, что [redacted]

Жорж СИМЕНОН:

«Я ПИШУ, ЧТОБЫ МЕНЯ ЧИТАЛ[redacted]

Человек, [redacted]

ОБО МНЕ уже сочинено столько самых невероятных легенд, что одной больше, одной меньше... Дело в том, что правда кажется журналистам чересчур простой, а им нужно любой ценой завлекать публику...

Я никогда не стремился «сделать карьеру» и более других был удивлен популярностью Мегрэ и ее последствиями.

Успех не опьянил меня, я не изменил своего отношения ни к людям, ни к обществу. Но он помог мне объездить свет, приглядеться к жизни многих народов, и со временем я стал испытывать все более настоятельную потребность познать суть человека, освобожденного от всяческой мишуры и масок, понять, каков он на самом деле в любом уголке земли.

Я не настолько самонадеян, чтобы полагать, будто мне это удалось. Но я думаю, что если меня читают на разных языках — в Северной и Южной Америке, в Токио, Индии, на Ближнем Востоке, не говоря уже о Европе, — значит, люди в какой-то степени узнают себя в моих персонажах, иначе мои романы не [redacted]

это совсем рядом, и прогуливаться там по Пассажу, украшенному витражами. И черпать вдохновение, подглядывая за прохожими.

Я отношусь с [redacted] людям всех [redacted] числе и к [redacted] вившим множество [redacted]